

ОЕ ДЕЛО

475

Анатолий П.

малолетней
циями
иствами

Н
ЕРА НАКАЗАНИЯ

СО

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД
ОН ПОДПИСАЛ ПРИГОВОР.
СЕГОДНЯ – ИЩЕТ ПРАВДУ.

СЛЕДОВАТЕЛЬ ЯРЦЕВ

Егор Kazancev

Последний свидетель

<https://litres.ru/74694399>

SelfPub; 2026

Аннотация

1976 год, провинциальный город Сосновка. Следователь Григорий Ярцев двадцать лет назад подписал приговор человеку, которого считал виновным в убийстве девочки. Теперь в городе пропадает другая девочка — и обстоятельства совпадают до мелочей. Ярцев понимает: двадцать лет назад он посадил не того. И настоящий убийца всё это время был рядом.

Содержание

Часть I. Дело	5
Глава 1. Первый снег	5
Глава 2. Двадцать лет	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Егор Kazancev

Последний свидетель

Часть I. Дело

Глава 1. Первый снег

Снег пошёл в ночь на седьмое ноября — как всегда, вовремя, будто по расписанию.

Григорий Ярцев стоял у окна своей квартиры на втором этаже и смотрел, как белые хлопья ложатся на пустую площадь. Внизу, у райкома, рабочие вешали флаги — красные полотнища с белыми буквами, которые он знал наизусть. Завтра — праздник. Демонстрация. Речи. Всё как надо.

Ему было пятьдесят восемь. Он работал следователем районной прокуратуры тридцать лет. Двадцать из них — с грузом, который он нёс молча.

Квартира была маленькой — две комнаты, кухня, окно на площадь. Жена умерла пять лет назад. Дочь жила в Ленинграде, звонила редко. Ярцев жил один — с книгами, с папками, которые иногда приносил домой, и с тишиной, которая с каждым годом становилась всё гуще.

Он не спал. В такие ночи он никогда не спал — смотрел в окно, пил чай, думал о том, что прошлое не отпускает. Двадцать лет назад он подписал приговор человеку, которого считал виновным. Теперь он знал, что ошибся. И это знание было с ним каждую ночь — как снег за окном, как тишина в

квартире, как чай, который остывал в кружке.

В дверь позвонили в шесть утра.

Ярцев вздрогнул. В шесть утра не звонят просто так. В шесть утра звонят только по делу.

Он открыл. На пороге стоял молодой милиционер — лейтенант Костя Ремизов, с которым Ярцев иногда играл в шахматы в дежурке. Костя был бледным, с красными глазами — как будто не спал всю ночь.

— Григорий Петрович? — сказал он. — Извините. Там это... девочка пропала.

Ярцев почувствовал, как что-то внутри сжалось — знакомо, тяжело, как будто кто-то наступил на горло.

— Какая девочка?

— Смирнова. Наташа. Девять лет. Ушла из дома вчера вечером — и не вернулась.

— Где искали?

— Везде. Лес обошли. Речку. Заброшенные дома. — Костя помолчал. — Ничего.

— Родители?

— Мать в истерике. Отец пьёт.

Ярцев посмотрел на него. Двадцать лет назад он слышал те же слова — только тогда девочку звали Оля Верещагина, и он был моложе, и думал, что справится.

— Поехали, — сказал он.

Машина ехала по пустым улицам. Снег усилился — дворники не справлялись, и Ярцев смотрел, как белые хлопья

бьются о стекло.

— Когда её видели последней? — спросил он.

— Вчера в половине седьмого. Подруга, Таня Крылова, сказала, что Наташа ушла от неё домой. Домой не пришла.

— Кто-нибудь ещё видел?

— Соседка. Говорит, видела девочку у забора. Одна шла.

— Одна?

— Одна.

Ярцев молчал. Он смотрел на снег и думал о том, что двадцать лет назад всё было так же. Оля Верещагина ушла от подруги. Одна. И не вернулась.

Дом Смирновых стоял на окраине — деревянный, покосившийся, с забитым окном на веранде. Забор был старый, с провалившимися досками. Во дворе — сарай, поленница, качели, которые скрипели на ветру.

Мать сидела на кухне и плакала. Её звали Валентина. Тридцать четыре года, усталое лицо, руки в муке — как будто она пекла что-то, когда всё случилось, и с тех пор не могла остановиться.

— Она пошла к подруге, — говорила Валентина, вытирая слёзы. — В шесть. Сказала: «Мам, я на полчаса». И всё. Больше не вернулась.

— Кто подруга?

— Танька Крылова. С соседней улицы.

— Она видела Наташу?

— Видела. Наташа ушла от неё в половине седьмого. Ска-

зала, что идёт домой.

— Домой она не пришла?

— Нет. — Валентина снова заплакала. — Я ждала. До восьми. До девяти. Потом пошла к Таньке. Танька сказала, что Наташа ушла. Я пошла по улице. Кричала. Никто не отзывался.

Ярцев записал всё в блокнот — старый, потрёпанный, с загнутыми уголками.

— У Наташи были враги? Кто-то, кто мог её обидеть?

— Никого. Она была тихая. Хорошая девочка. — Валентина подняла глаза. — Она никогда никуда не уходила. Никогда. Она боялась темноты.

— А отец?

Валентина помолчала.

— Он пьёт. Но он её не обижал. Он её любил.

Ярцев кивнул. Он слышал это раньше — много раз. «Он её любил». А потом находил тело в овраге.

Он вышел на улицу. Снег усилился. Костя стоял у машины и курил.

— Что дальше, Григорий Петрович?

Ярцев посмотрел на лес за домами — тёмный, густой, с просветами, которые казались дырами.

— Собаку. Кинолога. Оцепление. Всё как всегда.

Он сказал «как всегда» — и почувствовал, как это слово режет горло.

Кинолог приехал через час. Собака — немецкая овчарка,

старая, с умными глазами — обнюхала двор, веранду, качели. Потом рванулась к лесу.

— Она взяла след, — сказал кинолог. — Идём.

Ярцев шёл за собакой. Снег заметал следы, но собака не теряла. Она вела к оврагу — тому самому оврагу, где двадцать лет назад нашли Олю Верещагину.

Ярцев чувствовал, как что-то внутри сжимается. Он знал этот путь. Он знал, куда они идут.

Тело нашли через два дня.

В лесу, в овраге, за старым карьером. Девочка лежала на спине, руки раскинуты, глаза закрыты. На шее — след от верёвки. Тонкой, пеньковой.

Ярцев стоял над телом и смотрел.

Он видел это раньше. Двадцать лет назад. Точно так же — девочка, девять лет, овраг, верёвка. Только тогда её звали Оля Верещагина.

Тогда он нашёл убийцу за неделю.

Тогда он подписал приговор.

Тогда он был уверен.

Он присел на корточки. Посмотрел на узел — двойной, морской, аккуратный. Такой узел не вяжет деревенский мужик. Такой узел вяжет тот, кто знает, что делает.

— Григорий Петрович, — сказал Костя тихо. — Что это?

Ярцев встал.

— Это почерк, — сказал он. — Я его знаю.

Глава 2. Двадцать лет

Сосновка, 1956 год.

Оле Верещагиной было девять, когда она пропала. Её нашли в овраге за карьером. Той же верёвкой. Тот же способ.

Ярцеву было тридцать восемь. Он был молодым следователем — честолюбивым, упрямым, с верой в то, что справедливость — это не абстракция, а конкретная вещь, которую можно добыть, если работать сутками.

Он работал сутками. Он не спал, не ел, не видел семью. Он хотел найти убийцу — и найти быстро. Тогда это было важно. Тогда это было всё.

Подозреваемый нашёлся через неделю — местный сторож, Иван Гушин, сорок пять лет, живший в сторожке у карьера. Его видели рядом с оврагом. У него нашли верёвку. Он путался в показаниях — сначала сказал, что был дома, потом — что ходил за хлебом, потом — что не помнит.

Ярцев вёл дело. Он давил. Он добывал признание. Гушин сначала отрицал, потом сломался, потом подписал.

Суд дал ему пятнадцать лет.

Гушин умер в лагере через три года. Не выдержало сердце.

И только потом Ярцев понял, что ошибся.

Он понял это через год после приговора — случайно, читая другой архив.

В деле были несоответствия. Верёвка — та же, но узел другой. Время смерти — сдвиг на два часа. Свидетель, который путался, но говорил о человеке в плаще, а не в телогрейке.

Ярцев тогда пошёл к начальству. Ему сказали: «Дело закрыто. Не лезь».

Он не полез.

Он нёс это двадцать лет — как камень в кармане, как снег за окном, как тишину в квартире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.